

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. А. ФРЕЙБЕРГ и *М. Л. ГАСПАРОВА*

Перевод с древнегреческого

Н. Н. Трухиной

под редакцией *А. Ч. Козаржевского*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ПЛУТАРХ ОБ ИСИДЕ И ОСИРИСЕ

Предлагаемый вниманию читателей трактат является памятником греческой философской мысли конца I — начала II в. н. э. и одним из важнейших источников по истории древнеегипетской религии. Обращение Плутарха к мифу о великих египетских богах представляется не случайным; следует принять во внимание постоянный интерес писателя к религиозно-философским проблемам, возможность особого влияния со стороны его любимого учителя, философа-академика Аммония, египтянина по происхождению. наконец — наличие культа Исиды и Осириса на родине Плутарха, в Херонее беотийской. Непосредственным толчком к написанию послужило, может быть, посвящение Плутарха в сан дельфийского жреца (см. гл. 68) на закате его жизни, где-то во втором десятилетии II в. н. э. В пользу поздней датировки трактата свидетельствует эпиграфика — две дельфийские надписи эпохи Адриана — Антонина Пия с именем жрицы Флавии Клея¹, выступающей в качестве адресата благочестивого исследования. Беглое замечание Плутарха в 35 главе позволяет предположить, что в своем родном городе в юности Клея была посвящена в египетские жрицы Исиды — факт неудивительный для эпохи распространения культа Исиды и Сараписа в полисах балканской Греции. Направившийся вопрос о прямой причастности Плутарха к таинствам Осириса должен решаться, скорее всего, отрицательно: в трактате отсутствуют ссылки на личный жреческий опыт, весь тон повествования обнаруживает наблюдателя, судящего о предмете со стороны.

Подход Плутарха к мифу раскрывается уже в распределении внимания между высокими объектами исследования: если первенство Исиды в заголовке трактата является как бы данью симпатиям современников, то в самом тексте, вопреки моде, на первый план выдвинуты не богиня-мать и широко почитаемый Осирис-Сарапис, но мало популярный за пределами Нильской долины исконный египетский Осирис. Интерес Плутарха к древней основе мифа выявляется и в географическом ареале трактата, ограниченном Египтом и Сирией. Новые греко-римские центры почитания египетских богов не привлекают внимания исследователя.

Хотя рассказ Плутарха является единственным дошедшим до нас связным изложением мифа об Осирисе, отдельные моменты этой священной истории отражены в массе иероглифических текстов; сравнение позволяет констатировать верность Плутарха основному контуру египетской традиции. Египетские источники дают аналогии таких узловых эпизодов мифа, как растерзание Осириса, сражение и 'судебная' тяжба Гора и Сета-Тифона, снисходительное обращение Исиды с побежденным Тифоном, ссора Гора с матерью, рождение Гарпократа от мертвого Осириса и т. д. Совпадает и большинство деталей повествования: фигура Туэрис — наложницы Тифона, связь Осириса с быками Аписом и Мневисом, а Тифона — с ослом, гишпопотамом и крокодиллом, интерпретация

¹ J. J a n n o t, Inscriptions delphiques d'époque tardive, BCH, LXX, 1946, стр. 255—259.

луны и солнца как очей Гора, а железа — как костей Тифона и т. д. В целом, в рамках египетских представлений выдержаны характеристики великих богов: Осириса — божества влаги и царя мертвых, Исиды — плакальщицы, матери и противницы злого начала, Сета-Тифона — демона пустыни и дурного ветра. Гораздо более скромную роль в реконструкции мифа играют у Плутарха напластования эллинистической эпохи, обнаруживающие влияния, привнесенные культами Диониса и Деметры. Самое крупное заимствование (в целом или в деталях) представляет история Исиды в Библие, близкая фабуле гомеровского гимна Деметре. Очевидно, «биографией» Диониса навеян миф о цивилизаторской миссии Осириса; характер иноземного бога виноделия и плодородия усилил фаллический элемент в культе нильского божества (например, можно предположить позднее происхождение истории о потерянном фалле Осириса), а также связь Осириса с умирающим и воскресающим зерном. В основном, в эллинистическую эпоху утвердилась ипостась Исиды-плодородной земли, Исиды-Деметры. Этому аспекту образа великой богини Плутарх уделяет много внимания.

Преобладающей ориентации Плутарха на древнюю египетскую традицию при воссоздании мифа и отдельных деталей культа противостоит характер тех глав, в которых разворачивается богословская интерпретация сказаний и священных реалий. Здесь писатель приступает к делу с позиций издревле присущего грекам религиозного синкретизма: «если некоторых богов люди научились называть египетскими именами недавно, то власть каждого знают и чтят с самого начала» (гл. 66). Подобная установка позволяла и вменияла в заслугу обращение к мнению мудрейших толкователей всех времен и народов. Опираясь на многие авторитеты, Плутарх как бы проводит читателя по восходящим ступеням познания — от все более полных частей истины к ее вершине. Сначала мы узнаем, что Осирис — это Нил, Исида — плодородная земля, а Сет-Тифон — засуха; затем Осирис и Исида толкуются как основополагающие принципы плодородия и упорядоченности, а Тифон — как энергия дисгармонии и разрушения; на более высоком уровне обобщения Осирис и Тифон выступают перед нами в качестве мировых начал Добра и Зла; на последней ступени решается вопрос об основных бытийных сущностях, и здесь Осирис — сверхчувственный творящий логос, Исида — тяготеющая к нему материя, Гор — отпечаток логоса в материи, осязаемый космос, имеющий смешанную идеальную и материальную природу.

В целом Плутарх дает греческую, стойко-платоническую интерпретацию мифа с заметной гностической окраской. Проступает значительное, неизвестно — прямое или опосредствованное, влияние иранского дуализма и зороастрийской демонологии, увлекавшей представителей академической школы — например упоминаемого в трактате Ксенократа, ученика Платона. Отношение плутарховского толкования к египетскому богословию ставит современного исследователя перед труднейшей, донныне открытой проблемой.

Также вопрос об исторических источниках Плутарха может быть решен лишь в самых общих чертах. Умозрительная теория единого основного источника, выдвинутая в начале нашего века П. Фришем и М. Веллманном², не находит поддержки у современных исследователей. Плутарх, в обычной для него манере, ссылается на мнения многих авторов, но, главным образом, — на писателей раннеэллинистических; авторитеты римской эпохи остаются в явном меньшинстве (Кастор Родосский, Аристон, Гермей). Следует обратить внимание на использование антикварно-мифологических исследований III в. до н. э. — трудов Архемаха, Мнасии, Антиклидидса, Гераклида Понтийского. Наиболее солидные и, очевидно, главные источники Плутарха — обширные исследования о Египте IV — начала III в. до н. э.: сочинения лучшего знатока египетских древностей — гелиопольского жреца Манефона³; «История Египта» Гекатея Абдерского,

² M. W e l l m a n n, *Aegyptisches*, «Hermes», XXXI, 1896; P. F r i s c h, *De compositione libri Plutarchoi qui inscribitur περί Ἰσίδος καὶ Ὀσίριδος*, Göttingen, 1907.

³ Видимо, в основном через Манефона дошли до Плутарха данные таких египетских источников, как названные в трактате Гимны Осириса, Книги Гермеса, каталоги царей и т. д. Сам автор «Моралий» путешествовал по Египту, но египетского языка не знал.

которой широко пользовался Диодор Сицилийский; «Описание земли» или какие-то неизвестные нам сочинения Эвдокса Книдского — математика и астронома, ученика египетских жрецов, проведенного в Стране пирамид, если верить Страбону, 13 лет ⁴; по числу ссылок Эвдокс занимает в трактате первое место. Предпочтение, оказываемое равным авторам, еще раз подчеркивает увлечение Плутарха доэллинистическим мифом и культом.

Трактат «Об Исиде и Осирисе» в составе «Моралий» издавался с начала XVI в.: editio princeps Альда Мануция относится к 1509 г. Первый латинский перевод был дан в базельском издании 1750 г. Отдельный выпуск «Исиды и Осириса» появился впервые в Англии в 1744 г. В настоящее время существуют следующие основные переводы трактата на европейские языки:

Loeb Classical Library. Plutarch's *Moralia* with an english translation by F. C. Babbitt, V. L.— Cambr., 1936; Plutarch's *De Iside et Osiride* with an introd., transl. and comment. by J. G. Griffiths, Cambr., 1970.

G. Partbey, *Plutarch über Isis und Osiris*, B., 1850; Th. Hopfner, *Plutarch über Isis und Osiris*, Orientalisches Inst. in Prag, Monographien des Archiv Orientální, IX, 1—2, Prag, 1940—1941.

M. Meunier, *Plutarque, Isis et Osiris*, P., 1924.

V. Cilento, *Plutarco: Diatriba Isiaca e Dialoghi Delfici*, Firenze, 1962.

Русский перевод трактата появляется ныне впервые. В основу его положено тойбневское издание *Plutarchi Chaeronensis Moralia*, rec. C. N. Bernardakis, II, Lipsiae, 1889, текст 5-го тома левовской серии (1936 г.) и издание Гриффиса, комментарий которого был использован для большей части прилагаемых нами примечаний и данного предисловия ⁵.

Специальные исследования отдельных аспектов трактата «Об Исиде и Осирисе» можно найти в следующих сочинениях: A. T o r h o u d t, *Een onbekend gnostisch systeem in Plutarchus' De Iside et Osiride*, Lovanii, 1942; G. S o u r y, *La Demonologie de Plutarque*, P., 1942; D. B a b u t, *Plutarque et le stoïcisme*, P., 1969; J. H a n i, *La religion égyptienne dans la pensée de Plutarque*, Lille, 1972; H. D. B e t z, *Plutarch's theological writings and early Christian literature*, Leiden, 1975.

⁴ S t r a b o, XVII, 1, 29.

⁵ Перевод чисел и месяцев Плутархова египетского календаря в даты современного летосчисления дает далеко неточные результаты, поэтому в наших примечаниях соответствующие ссылки почти отсутствуют. Попытка согласования дат представлена в таблице Хопфнера (ук. соч. II, стр. 291—295); менее определенные, но более надежные хронологические выкладки содержатся в комментариях Гриффиса.

ПЛУТАРХ ОБ ИСИДЕ И ОСИРИСЕ

Всяких благ, Клея¹, люди, имеющие разум, должны просить у богов, более же всего мы желаем и молим получить от них знание о них самих, насколько это доступно людям; ибо и человек не может принять ничего более великого, и бог даровать ничего более священного, чем истина. Все остальное, в чем нуждаются люди, бог дает им полностью, разума же и мудрости — часть, владея и распоряжаясь ими как своей особой собственностью. Ибо божество блаженно не золотом и серебром и сильно не громами и молниями, но способностью постигать и знанием. Гомер провозгласил это прекраснее всего того, что он говорил о богах:

Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевс лишь Кронийон и прежде родился и более ведал².

Он ясно изрек, что превосходство Зевса более свято, ибо старше знание и мудрость его. И я полагаю, что в той вечной жизни, которая суждена богу, блаженство состоит в том, что его знание ничего не упускает из происходящего, а если бы отнято было познание и постижение сущего, то бессмертие было бы не жизнью, но временем.

2. Поэтому устремленность к истине, особенно касающейся богов, есть тяга к божественному, ибо она содержит изучение, исследование и восприятие вещей священных и является делом более святым, чем любое очищение и служение в храме; не менее приятна она и богине, которой ты служишь, небывало мудрой и расположенной к мудрости, само имя которой, как представляется, говорит о том, что более всего ей присущи способность познавать и знание. Ибо Исиды — греческое имя, так же как имя Тифона³, который, будучи врагом Исиды, беснуется в своем невежестве и лживости и разрывает, и уничтожает священное слово⁴, которое богиня собирает, соединяет и передает посвященным в тайнства; и посвящение, предписывающее постоянно умеренный образ жизни и воздержание от многих видов пищи и любовных усад, ослабляет разнузданность и любовь к наслаждениям и приучает людей пребывать в служении непреклонными и суровыми, целью чего является постижение Первого, Владычествующего и доступного только мысли; богиня призывает искать его, и он пребывает вместе с ней, рядом с ней и в связи с ней. Название же храма, бесспорно, возвещает о постижении и знании сущего: он именуется Исейон⁵ в знак того, что мы познаем сущее, если разумно и благочестиво приблизимся к святыням богини.

3. Более того, многие пишут, что Исиды — дочь Гермеса, и многие — будто она дочь Прометея⁶, потому что считают последнего изобретателем мудрости и предвиденья, а Гермеса — грамматики и музыки. Поэтому в Гермополе первую из муз называют одновременно Исидой и Справедливостью, ибо она, как я уже говорил, мудра и открывает божественное тем, которые правильно и справедливо зовутся гиерофорами и гиеростолами⁷. Это они несут и укрывают в душе, как в ларце, священное слово о богах,

¹ Дельфийская жрица. Ей же посвящен трактат Плутарха «О доблести женщин».

² Н о т., II. XIII, 354. Перевод Н. И. Гнедича (Гомер. Илиада, Л., 1956).

³ Плутарх ошибается: Исиды — египетское имя, Тифон — греческое божество, отождествленное с Сетом. Плутарх производит $\tau\acute{\iota}\varsigma$ от $\epsilon\acute{\iota}\delta\alpha$ — знать, $\tau\upsilon\phi\acute{\omega}\nu$ — от $\tau\upsilon\phi\acute{\omega}$ и $\tau\upsilon\phi\acute{\omega}$ — дымить, жечь; беситься, чваниться.

⁴ Здесь под священным словом (логосом), очевидно, подразумевается Осирис.

⁵ Ищет в этом слове корни от $\epsilon\acute{\iota}\delta\alpha$ и $\delta\upsilon$ (сущее).

⁶ В египетской традиции Исиды — дочь Геба (греческая параллель — Крон) или Тота (Гермеса).

⁷ Хранители священных сосудов и облачений.

чистое от всякого суеверия и суетности, приоткрывая лишь некоторые части своего учения, то окутанные мраком и затененные, то ясные и светлые, как те символы, что явлены в священных одеяниях. Поэтому когда в них обряжают умерших жрецов Исиды, то это есть знак того, что То Слово пребывает с ними и что, владея только им и ничем больше, они отходят в иной мир. Но как не борода и ношение рубища, Клея, делают философов, так не создают жрецов Исиды льняное платье и бритые волосы. Ибо истинным служителем Исиды является тот, кто всегда по правилам воспринимает все, что говорят о богах и что во имя их совершают, исследуя это разумом и рассуждая о заключенной в этом истине.

4. Однако большинству людей непонятны даже такие самые общеизвестные и незначительные правила: почему жрецы удаляют волосы и носят льняные одежды⁸. Некоторые вообще не заботятся знать это, другие же говорят, что жрецы отказываются как от шерсти, так и от мяса потому, что они почитают овцу, бреют голову в знак скорби, а лен носят из-за цвета, который он испускает во время цветенья и который голубизной подобен воздуху, окружающему мир. Но истинная причина для всего этого одна: недозволено, как говорит Платон, нечистому касаться чистого⁹. Отходы же пищи и всякие отбросы не чисты и не почтенны. А принадлежащие к отходам шерсть, пух, волосы и ногти рождаются и растут. И смешно было бы, если бы жрецы, удаляя при очистительных обрядах свои собственные волосы, выбривая и полируя все тело целиком, надевали бы и носили волосы животных. Надо полагать, что Гесиод, когда он говорит:

На пятипалом суку средь цветущего пира бессмертных
Светлым железом не надо с зеленого срезать суши¹⁰

— учит, что следует приступать к празднику, очистившись от всего этого, а не прибегать к очищению и удалению излишков во время священных церемоний. Что же касается льна, то он рождается из бессмертной земли, производит съедобное семя и поставляет простую и чистую одежду, не отягощающую защитой; она пригодна для всякого времени года и, как говорят, менее всего плодит вшей. Но это уже разговор иной.

5. Жрецы питают такое отвращение к природе отходов, что не только отказываются от многих видов бобов, от овечьего и свиного мяса, но во время очистительных обрядов удаляют из пищи и соль, для чего есть много оснований, но также то, что соль, возбуждая аппетит, заставляет больше есть и пить. А считать соль нечистой из-за того, что в ней, когда она застывает, как утверждает Аристарх¹¹, увязают и погибают малые существа — глупо. Говорят также, что Аписа поят из особого колодца и вообще не подпускают к Нилу, и это не потому, что считают воду нечистой из-за крокодилов, как думают некоторые: ничто египтяне так не почитают, как Нил; но считается, что нильская вода, когда ее пьют, вызывает тучность и ожирение. Жрецы не желают этого ни Апису, ни себе, но хотят, чтобы их тела удобно и легко обволакивали души и чтобы божественное не было стеснено и обременено смертным началом, которое бы одолевало и отягощало его.

6. Что касается вина, то из тех, кто служит богу в Гелиополе, одни вообще не вносят его в святилище, ибо непристойно пить днем, на глазах владыки и царя, другие употребляют его, но мало. И у них есть много празднеств, когда вино под запретом, когда они проводят время, предаваясь

⁸ Herod., II, 37, 81.

⁹ Phaedo 67b.

¹⁰ Hesioid., Opp. 742. Перевод В. Вересаева (Эллинические поэты, М., 1929).

¹¹ Аристарх из Милета, историк IV в. до н. э., автор труда о Ниле. FHG II, стр. 99, fr. 7; FGrHist. III C, № 608, fr. 7.

мудрости, учась и уча божественному. И цари, сообразуясь со священными предписаниями, пьют определенное количество, как пишет Гекатей¹², ибо они — жрецы. Начали пить вино со времен Псамметиха¹³, а сначала его не пили и не совершали им возлияний как чем-то приятным богам; напротив, вино считают кровью тех, кто некогда воевал с богами; когда они пали и смешались с землей, из них, якобы, произросла лоза. Поэтому пьянство делает людей бешеными и безумными, словно они наполнились кровью предков. Эвдокс¹⁴ во второй книге «Описания земли» утверждает, что именно так об этом рассказывают жрецы.

7. Также морскую рыбу отвергают не всякую, но некоторые ее виды, например, оксиринхиты — рыбу, пойманную на крючок. Ибо они почитают оксиринха¹⁵ и боятся, что крючок может оказаться нечистым из-за того, что осетр клевал на него. А сиэниты избегают фагра¹⁶, потому что считается, что он приходит одновременно с подъемом Нила и, являясь взорам как добровольный глшатай, возвещает радостным людям о разливе. Жрецы же воздерживаются от всякой рыбы. В девятый день первого месяца, когда все остальные египтяне едят жареную рыбу у своих наружных дверей, жрецы, не отведав блюда, жгут ее у ворот, имея на то два объяснения; об одном из них, священном и тонком, я расскажу потом¹⁷: оно относится к высшему учению об Осирисе и Тифоне; второе, ясное и доступное, гласит, что рыбные блюда не являются необходимой и простой пищей, а в свидетели берется Гомер, у которого и изнеженные феакийцы, и жители Итаки, островной народ, не пользовались рыбой, так же как и товарищи Одиссея в столь долгом плавании и посреди моря, пока они не впали в крайнюю нужду¹⁸. Вообще египтяне считают, что море выделилось из огня¹⁹ и, выходя за пределы мира, является не частью его или элементом, но чуждым ему отбросом, вредным и губительным.

8. Ничего бессмысленного и фантастического, как думают некоторые, ничего, проистекающего от суеверия, не вводят они в священные обряды: одно имеет основанием нравственность и пользу, другое не чуждо тонкостям истории и природы, как, например, то, что связано с луком. Что Диктис, питомец Исиды, хватаясь за лук, упал в реку и утонул — это крайне неправдоподобно. Но жрецы, остерегая себя от лука, брезгуют им и отворачиваются от него потому, что только он один вызревает и зацветает при убывающей луне. И неприемлем он для постящихся и праздноующих, так как у первых, отведавших его, вызывает жажду, а вторых заставляет плакать. Также и свиью считают они нечистым животным, ибо имеется представление, что чаще всего она спаривается при убывающей луне и что у пьющего ее молоко тело покрывается проказой и накожными струпами²⁰. Историю же, которую они рассказывают тогда, когда раз в год, в полнолуние, приносят в жертву и едят свиью, и которая гласит, будто Тифон,

¹² Гекатей из Абдер, философ и историк, участник похода Александра Македонского. Написал сочинение о Египте. FHG II, стр. 389, fr. 10; FGtHist. III A, № 264, fr. 5; Vors. I, № 60, B11.

¹³ Первый фараон XXVI династии (664—610 гг. до н. э.). Египетские предания и археология опровергают такую позднюю датировку.

¹⁴ Эвдокс Книдский (около 408—355 гг. до н. э.) — математик, астроном, географ. Fr. 300.

¹⁵ Осетра. S t r a b o, XVII, 40; A e l i a n., De Nat. Anim. X, 46; C l e m. A l e x., Protrep. II, 39, 5.

¹⁶ A e l i a n., De Nat. Anim. X, 19.

¹⁷ См. гл. 32.

¹⁸ Н о м., Od. IV, 369; XII, 332.

¹⁹ Разночтение: из гноя. См. Loeb, стр. 18. Ср. H e s i o d., Theog. 739: крайние области тьмы, как нечто чуждое этому миру, именуются гнойными. С другой стороны, огненная природа моря характеризует его как стихию Сета-Тифона.

²⁰ H e r o d., II, 47; A e l i a n., De Nat. Anim. X, 16; T a c., Hist. V, 4.

преследуя при полной луне кабана, нашел деревянный гроб, где лежали останки Осириса, и разломал его, эту историю признают не все; некоторые считают ее, как и многое другое, пустыми рассказами. О древних же говорят, будто они презирали роскошь, расточительность и наслаждения настолько, что в Фивах, в храме, имеется по слухам стела, исписанная проклятиями царю Миносу²¹, который первым отучил египтян от умеренного, бескорыстного и простого образа жизни. Говорят еще, что Технакт, отец Бокхориса²², во время похода на арабов, когда запоздал его обоз, с удовольствием отведал первую попавшуюся пищу, а потом, переспав глубоким сном на соломе, возлюбил неприхотливость. По этой причине якобы он проклял Миноса и с одобрения жрецов запечатлел проклятия на стеле.

9. Царей египтяне выбирали из жрецов или воинов, причем военное сословие имело влияние и почести благодаря мужеству, а жрецы — благодаря мудрости. Выдвинувшийся из воинов тотчас делался жрецом и становился причастным к мудрости, окутанной мифами и речениями, несущими в себе смутные проблески и отражения истины; несомненно, по этой причине они символически выставляют перед храмами сфинксов²³ в знак того, что тайную мудрость заключает в себе их учение о божественном. А в Саисе изображение Афины, которую они называют Исидой, имеет такую надпись: «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрова». Также многие полагают, что собственно египетское имя Зевса — Амун (или Аммон, как неправильно произносим мы). Себенит же Манефон считает, что это слово означает «сокрытый» или «сокрытие»²⁴. А Гекатей из Абдера²⁵ говорит, что египтяне употребляют это выражение в беседе, когда обращаются к кому-нибудь, ибо оно и есть обращение. Поэтому когда они зывают к высшему божеству, которое они считают тождественным всеобщности и как бы незримым и сокрытым, когда молят его показаться и обнаружить себя для них, то они произносят «Амун». Таково благоговение египтян перед мудростью, касающейся дел божественных.

10. Дают нам свидетельства и мудрейшие из эллинов — Солон, Фалес, Платон, Эвдокс, Пифагор и, как некоторые утверждают, Ликург, которые приезжали в Египет и общались с жрецами²⁶. Говорят, что Эвдокс учился у Ксонофея из Мемфиса, Солон — у Сонхита из Саиса, Пифагор — у гелиополита Ойнуфея. Особенно, кажется, этот последний, восхитительный сам и восхищавшийся жрецами, подражал их таинственной символике, облекая учение в иносказание. Большинство предписаний пифагорейцев ничем не отличается от так называемых иероглифических писем, например: не принимать пищу, сидя на колеснице; не есть свой хлеб в праздности²⁷; не сажать пальму; не разжигать в доме огонь ножом²⁸. И я, со своей стороны, полагаю: то, что эти люди называют единицу Аполлоном, двойку Артемидой, семерку Афиной, а куб — Посейдоном — это все сходно с обрядами, изображениями, и, клянусь Зевсом, письменами в египетских храмах. Ибо, например, царя и владыку Осириса они изображают с помощью глаза и скипетра. Причем некоторые толкуют его имя как «многоглазый»²⁹, потому

²¹ D i o d., I, 45. В египетских источниках нет данных, подтверждающих этот рассказ, но вообще нетрудно понять, почему первый царь первой династии стал символом разрушения древнего, примитивного образа жизни.

²² XXIV династия, 730—715 гг. до н. э.

²³ Очевидно, имеются в виду не только сфинксы в виде льва с человеческой головой, но изображения звероголовых богов вообще.

²⁴ Верная этимология.

²⁵ FHG II, стр. 389, fr. 9; FG rHist. III A, № 264, fr. 4; Vors. I, № 60, B8.

²⁶ D i o d., I, 96; 98; C l e m. A l e x., Stromata I, 69, 1.

²⁷ Выражение, дословно не воспроизводимое.

²⁸ Смысл: не разжигать спор?

²⁹ D i o d., I, 11.

что «ос» по-египетски значит «много», а «ири» — «глаз». Небо же, так как оно, будучи вечным, не стареет, они изображают знаком сердца с курильницей под ним ³⁰. А в Фивах были выставлены безрукие изображения судей, причем статуя главного судьи — с сомкнутыми веками в знак того, что справедливость неподкупна и беспристрастна ³¹. Символом воинов было резное изображение скарабея, ибо у скарабеев нет самок, но только самцы ³². Детенышей же они рождают в веществе, которое скатывают в шар, заботясь о средстве питания не менее, чем о месте рождения.

11. Итак, Клея, когда ты слушаешь те мифы, в которых египтяне рассказывают о богах, об их блужданиях, растерзаниях и многих подобных страстях, то следует помнить о том, что сказано раньше, и не думать, будто что-либо из этого произошло и случилось так, как об этом говорят. Гермеса, например, называют собакой ³³ не в собственном смысле слова, но, как говорит Платон ³⁴, связывают с хитроумнейшим из богов бдительность этой твари, ее неутомимость и мудрость, ибо она различает дружественное и враждебное по своему знанию или незнанию предмета. И никто не думает, что солнце, как новорожденное дитя, поднимается из лотоса, но так на письме изображают его восход, символически обозначая, что воссламенение солнца происходит от воды. Также Оха, самого жестокого и грозного из персидских царей, который убил многих и, наконец, зарезал и съел с друзьями Аписа ³⁵, прозвали мечом, как до сих пор именуют его в каталоге царей; и я полагаю, что таким образом обозначают не отдельное собственно лицо, но сравнивают с орудием убийства жестокость и испорченность характера. Итак, если ты будешь внимать историям о богах подобным образом и будешь выслушивать их от тех, кто толкует миф благочестиво и мудро, если ты всегда будешь исполнять и блюсти предписанные обряды, понимая, что нет для богов более приятного дела и более приятной жертвы, чем истинное представление об их природе, тогда избежишь ты суеверия, которое является злом не меньшим, чем безбожие.

12. А вот и сам миф в пересказе по возможности самом кратком, с удалением всего ненужного и лишнего. Говорят, что когда Гелиос узнал о том, что Рея тайно сочелась с Кроном, он изрек ей проклятие, гласящее, что она не родит ни в какой месяц и ни в какой год. Но Гермес, влюбленный в богиню, сошелся с нею, а потом, играя с луной в шашки, отыграл семнадцатую часть каждого из ее циклов, сложил из них пять дней и приставил их к тремстам шестидесяти; и до сих пор египтяне называют их «вставленными» и «днями рождения богов» ³⁶. Рассказывают, что в первый день родился Осирис, и в момент его рождения некий голос изрек: владыка всего сущего является на свет. Иные же говорят, что некто Памил, черпавший воду в Фивах, услышал из святилища Зевса голос, приказавший ему громко провозгласить, что родился великий царь и благодетель — Осирис; за это яко-

³⁰ Ср. *Н о г а r o l l o*, *Hierogl.* I, 22: сердце над дымящейся курильницей — обозначение Египта. Разночтение, основанное на вставке: небо... они изображают знаком кобры, а страсть — знаком сердца с курильницей под ним. См. *G r i f f i t h s*, стр. 132.

³¹ *D i o d.*, I, 48. Изображения такого рода, действительно, существуют.

³² *A e l i a n.*, *De Nat. Anim.* X, 15; *P o r p h y r.*, *De Abst.* IV, 9.

³³ Гермеса отождествляли с собакоголовой обезьяной Тотом (общая причастность к мудрости) и с шакалом Анубисом (общая связь с преисподним миром).

³⁴ *Resp.* 375e.

³⁵ Имя Оха носили Дарий II (423—404 гг. до н. э.) и Артаксеркс III (359—338 гг. до н. э.). В убийстве Аписа обвиняли Камбиза и Артаксеркса (*A e l i a n.*, *Var. Hist.* IV, 8; *De Nat. Anim.* X, 28; *H e r o d.*, III, 29).

³⁶ Рея и Кронос соответствуют Нут и Гебу (земля и небо), Гелиос — Атуму-Ра (солнце). Египетские мифы знают в качестве супруга Нут Геба, но имеются изображения вхождения солнечного диска в тело Нут. Тот (Гермес) — изобретатель шашек и лунное божество.

бы он стал воспитателем Осириса, которого ему вручил Крон, и в честь него справляют праздник Памилий, напоминающий фаллические процессии ³⁷. На второй день родился Аруэрис, которого называют Аполлоном, а некоторые также старшим Гором ³⁸. На третий день на свет явился Тифон, но не во-время и не должным образом: он выскочил из бока матери, пробив его ударом. На четвертый день во влаге родилась Исида; на пятый — Нефтида, которую называют Кондом и Афродитой, а некоторые — Победой. Миф гласит, что Осирис и Аруэрис произошли от Гелиоса, Исида — от Гермеса, а Тифон и Нефтида — от Крона. Поэтому цари считали третий из вставленных дней несчастливым, не занимались в это время общественными делами и не заботились о себе до ночи. И рассказывают, что Нефтида стала женою Тифона, а Исида и Осирис, полюбив друг друга, соединились во мраке чрева до рождения. Некоторые говорят, что от этого брака и произошел Аруэрис, которого египтяне называют старшим Гором, а эллины — Аполлоном ³⁹.

13. Рассказывают, что, воцарившись, Осирис тотчас отвратил египтян от скудного и звероподобного образа жизни, показал им плоды земли и научил чтить богов; а потом он странствовал, подчиняя себе всю землю и совсем не нуждаясь для этого в оружии, ибо большинство людей он склонял на свою сторону, очаровывая их убедительным словом, соединенным с пением и всевозможной музыкой. Поэтому греки отождествили его с Дионисом ⁴⁰. И говорят, что Тифон в его отсутствие ничего не предпринимал, потому что Исида, обладая всей полнотой власти, очень старательно стерегла его и наблюдала за ним ⁴¹, по возвращении же Осириса стал готовить ему западню, втянув в заговор семьдесят два человека и имея сообщницей эфиопскую царицу по имени Асо ⁴². Он измерил тайно тело Осириса, соорудил по мерке саркофаг, прекрасный и чудесно украшенный, и принес его на пир. В то время как это зрелище вызвало восторг и удивление, Тифон как бы в шутку предложил преподнести саркофаг в дар тому, кто уляжется в него по размеру. После того как попробовали все по очереди и ни одному гостю он не пришелся впору, Осирис вступил в гроб и лег. И будто заговорщики подбежали, захлопнули крышку и, заколов ее снаружи гвоздями, залили горячим свинцом, затащили гроб в реку и пустили в море у Таниса, через устье, которое поэтому и теперь еще египтяне зовут ненавистным и мерзким. Говорят, что это случилось в семнадцатый день месяца Афира ⁴³, когда солнце пересекает созвездие Скорпиона, в двадцать восьмой год царствования Осириса. Иные же утверждают, что это срок его жизни, а не царствования.

14. Так как первыми о случившемся узнали и разгласили это событие паны и сатиры, обитавшие в местности у Хеммиса ⁴⁴, то и теперь еще неожиданное смятение и страх толпы называют паникой. Говорят, что Исида,

³⁷ Происхождение имени Памила неизвестно. Не исключено, что оно появилось в результате искаженного употребления титула жреца, служителя фаллического культа. Возможно также, что Памил — древний эпитет Осириса.

³⁸ В египетских текстах не различаются старший и младший Гор. Аруэрис (Харур) — «великий Гор», Гор царского культа. Возможно, Плутарх спутал значения «великий» и «старший».

³⁹ Отождествление Гора и Аполлона произошло из-за причастности обоих к солнечному культу.

⁴⁰ D i o d., I, 17 сл. Цивилизаторская миссия Осириса является заимствованием из дионисийских мифов. Древнейший Осирис — олицетворение царской власти и бог мертвых, позднее он превращается в божество зерна и плодородия.

⁴¹ В египетских источниках не упоминается регентство Исиды.

⁴² Трудно объяснимое имя. В мероитских надписях Asi — Исида. О союзниках Тифона египетские источники говорят часто, но никогда не называют их число.

⁴³ 13 ноября.

⁴⁴ Паны и сатиры попали сюда из дионисийских мифов. См. D i o d., I, 18.

получив весть, тотчас отрезала одну из своих прядей и облачилась в траурное покрывало там, где до сих пор город носит имя Копт⁴⁵. Другие же полагают, что название это означает «утрата», ибо говорят «коптейн» в смысле «утратить». Рассказывают, что она блуждала всюду и никого не пропускала без вопроса; также встретив детей, она спросила их о гробе. Случайно они видели его и назвали устье, через которое друзья Тифона вытолкнули ковчег в море. Поэтому египтяне думают, что дети обладают даром предсказания и чаще всего ищут у них пророчеств, когда они играют в священных местах и болтают, что придется. А когда Исида узнала, что любящий Осирис по ошибке сочетался с ее сестрой как с ней самой, и увидела доказательство этого в венке из лотоса, который он оставил у Нефтиды, то она стала искать дитя, ибо Нефтида, родив, тотчас удалила его из страха перед Тифоном; ребенок был найден с большим трудом и с помощью собак, которые вели Исиду; она вскормила его, и он, названный Анубисом, стал ее защитником и спутником, и говорят, что он сторожит богов как собаки — людей.

15. И потом, как рассказывают, она узнала о саркофаге, что море пригнало его к берегу Библа⁴⁶ и прибой осторожно вынес его в заросли вереска. А вереск, в малое время выросши в огромный и прекрасный ствол, объял и охватил его, и укрыл в себе⁴⁷. Царь удивился размерам растения и, срубив сердцевину, содержащую невидимый взору гроб, поставил ствол как подпорку для крыши. Говорят, что Исида, узнав об этом от божественного духа молвы, явилась в Библ, села у источника, смиренная и заплаканная, и не говорила ни с кем, но только приветствовала служанок царицы, ласкала их, заплетала им косы и навевала от себя на их тело удивительный аромат. Лишь только царица увидела служанок, как в ней возникло влечение к незнакомке, волосам и телу, источающему благовоние. За Исидой послали, а когда она прижилась, ее сделали кормилицей царского сына, и говорят, что имя того царя было Малькандр, а царицу одни называют Астартой, другие — Саосис, а третьи — Неманус; эллины же назвали бы ее Атенаидой⁴⁸.

16. Предание гласит, что Исида выкармливала дитя, вкладывая ему в рот вместо груди палец, а ночью выжигала огнем смертную оболочку его тела; сама же, превращаясь в ласточку, с жалобным криком вилась вокруг колонны — и так до тех пор, пока царица не подстерегла ее и не закричала при виде ребенка в огне, лишив его тем самым бессмертия. Тогда изблеченная богиня выпросила столп из-под кровли; легко освободив его, она расщепила вереск, а потом, закутав его в полотно и умастив миром, вручила царю и царице; и теперь еще жители Библа почитают дерево, положенное в святилище Исиды⁴⁹. И рассказывают, что она пала на гроб и возопила так, что младший сын царя тут же умер, а старшего она якобы забрала с собой и, поместив гроб на судно, отплыла. Но так как река Федр перед зарей вышествовала в себе бурный ветер, она разгневалась и иссушила русло.

17. И вот в первом же пустынном месте, оставшись наедине с собой, она открыла саркофаг и, прижав лицом к лицу, стала целовать и плакать. А когда она заметила ребенка, тихо подошедшего сзади и наблюдавшего это, то оглянулась и бросила на него ужасный и гневный взгляд; мальчик не

⁴⁵ *κοπτο* — отрезать, причитать. Отрезанная прядь волос — черта греческого траурного обряда.

⁴⁶ *Αρολλοδ.*, *Biblioth.* II, 1, 3. История Исиды в Библие полна деталей, встречающихся в гомеровском гимне Деметре. См. *Hom. Hymn. Dem. V.*

⁴⁷ Вереск — кустарник, но есть редкий сорт древовидного вереска.

⁴⁸ Малькандр соответствует финикийскому Мелькарту, Астарта — не только богиня, но и мифическая правительница Финикии. Остальные имена не поддаются объяснению.

⁴⁹ В храме Астарты в Библие совершались обряды в честь Адониса, включавшие в себя поклонение обелиску.

вынес потрясения и умер. Другие рассказывают не так, но говорят, что ребенок, как я об этом упоминал раньше ⁵⁰, упал в море и что в честь богини ему оказывают почести: якобы он — тот самый Манерос, которого египтяне воспевают на пирах ⁵¹. А некоторые утверждают, что мальчика звали Палестин или Пелузий и что он дал имя городу, основанному богиней. Они заявляют, что Манерос, упоминаемый в песнях, первым изобрел музыку. Третьи говорят, что это не чье-то имя, но выражение, употребляемое в кругу пьющих и пирующих людей: да будет все это к счастью! И якобы когда египтяне хотят сказать что-либо похожее, они всякий раз восклицают: Манерос! Так что, несомненно, фигурка покойника в ковчежце, которую им показывают, обнося по кругу, служит не напоминанием о смерти Осириса, как полагают некоторые, но, пуская несколько раз неприятного сотрапезника, убеждают самих зрителей пользоваться и наслаждаться настоящим, потому что все скоро станут такими же.

18. И рассказывают, что потом, когда Исида ушла в Бут к сыну Гору, который там воспитывался, и поместила гроб вдали от дороги, Тифон, охотясь при луне, наткнулся на него и, узнав тело, растерзал его на четырнадцать частей и рассеял их. Когда Исида узнала об этом, она отправилась на поиски, переплывая болота на папирусной лодке. По этой причине будто бы крокодилы не трогают плавающих в папирусных челноках, испытывая или страх или, клянусь Зевсом, почтение перед богиней. И потому якобы в Египте называют много гробниц Осириса, что Исида, отыскивая, хоронила каждый его член. Иные же отрицают это и говорят, что она изготовила статуи и дала их каждому городу вместо тела Осириса для того, чтобы Тифону, если бы он победил Гора и стал отыскивать истинную гробницу, пришлось отказаться от этого, так как ему называли бы и показывали много могил. Из всех частей тела Осириса Исида не нашла только фалл, ибо он тотчас упал в реку и им кормились лепидоты, фагры и осетры, которыми гнушаются больше, чем всякой другой рыбой. Исида же, по рассказам, вместо него сделала его изображение и освятила фалл; в честь него и сейчас египтяне устраивают празднества.

19. Потом, как гласит предание, Осирис, явившись Гору из царства мертвых, тренировал и упражнял его для боя, а затем спросил, что он считает самым прекрасным на свете. Когда тот ответил: отомстить за отца и мать, которым причинили зло, — снова спросил, какое животное кажется ему самым полезным для того, кто идет на битву. Услышав в ответ от Гора «конь» ⁵², он удивился и стал допытываться, почему конь, а не лев ⁵³. Тогда Гор сказал, что лев нужен тем, кто нуждается в защите, а конь нужен, чтобы отрезать и уничтожить бегущего врага. Услышав это, Осирис обрадовался, ибо Гор был совсем готов для борьбы. И рассказывают, что, в то время как непрерывно многие переходили на сторону Гора, явилась к нему и валожица Тифона Туэрис и что змею, которая ее преследовала, убили друзья Гора; и до сих пор в память этого бросают веревку и перерубают ее посередине ⁵⁴. Что касается сражения, то оно будто бы продолжалось много дней, и победил Гор. Исида же, получив скованного Тифона, не казнила его, но развязала и отпустила. У Гора не хватило терпения снести это: он поднял на мать руку и сорвал с головы ее царский венец. Но Гермес

⁵⁰ Гл. 8?

⁵¹ Согласно Геродоту (II, 79), Манерос — безвременно умерший сын первого египетского царя.

⁵² Разночтение: волк. См. Лоев, стр. 46.

⁵³ Ни один народ не применял льва в качестве боевого животного. Видимо, Плутарх ввел в заблуждение изображения фараона в виде льва: лев — символ царя в бою.

⁵⁴ Туэрис — богиня-гиппопотам Tawert. Самки гиппопотамов считались благими существами в отличие от самцов — животных Сета.

увенчал ее рогатым племом⁵⁵. Затем Тифон предъявил Гору обвинение в незаконнорожденности, но при защите Гермеса Гор был признан богами законным сыном, а Тифон потерпел поражение еще в двух битвах. Осирис же сочетался с Исидой после смерти, и она произвела на свет Гарпократа, родившегося преждевременно и имевшего слабые ноги⁵⁶.

20. Таково примерно главное содержание мифа, если опустить предосудительные истории, например рассказ о растерзанном Горе и обезглавленной Исиде⁵⁷. Когда такое говорят и так учат о природе вечной и бессмертной, в которой более всего познается божество, как будто воистину такое случилось и происходило, тогда, как говорит Эсхил⁵⁸, «надо плюнуть и очистить рот». Но об этом тебе несколько не стоит напоминать. И сама ты негодуешь на тех, кто придерживается такого беззаконного и варварского учения о богах. Но ты также знаешь, что не совсем похоже все это на убогие рассказы и пустые фантазии поэтов и логографов, которые, как пауки, сплетают и тянут порожденную из себя произвольную основу, но что есть здесь отголоски рассказов и преданий о бывших событиях. И как математики говорят, что радуга — это отражение солнца, расщепленное преломлением взгляда в облаке, так и миф у нас — изображение некоего понятия, переводящего мысль на другое; на это намекают обряды, содержащие траур и тем выражающие скорбь, а также устройство храмов⁵⁹, частью выходящих в боковые галереи и светлые, открытые коридоры, а частью имеющие под землей тайные темные ризницы, подобные пещерам и ризницам фиванских храмов. Не менее сложно и учение о гробницах Осириса, тело которого, по преданию, покоится во многих местах. Говорят, что Диохетисом называется тот единственный городок, который владеет настоящим телом; но и в Абидосе чаще всего хоронят богатых и могущественных египтян, потому что они якобы ищут чести лежать в одной земле с телом Осириса. А в Мемфисе выкармливают Аписа, который представляет собой образ его души; там же будто бы покоится и тело. А название города одни толкуют как «пристанище добра», другие по-своему: «гробница Осириса». Говорят еще, что около Фил⁶⁰ есть островок, во всякое иное время нетревожимый и запретный для каждого; и не залетают на него птицы, и не приближается к нему рыба; но в определенный срок жрецы переправляются на него, приносят заупокойные жертвы и украшают венками надгробие, осененное деревом мефиды, которое превосходит размерами любую оливу.

21. Но хотя в Египте и называют много гробниц Осириса, Эвдокс утверждает⁶¹, что тело покоится в Бусирисе, потому что этот город был родиной Осириса: ведь не нуждается в объяснении слово Тафосирис — само это имя заключает в себе название гробницы Осириса. А об обрядах рассечения дерева, разрывания льна и заупокойного возлияния я умалчиваю, потому что к ним примешано много сокровенного. И не только об этих богах, но также обо всех других, не входящих в число нерожденных и бессмертных, жрецы рассказывают, что у них хранятся набальзамированные тела, за которыми ухаживают, а души богов сияют в небе звездами, и что созвездие Исиды, которое у египтян зовется Софис, греки называют Псом,

⁵⁵ В египетском мифе Гор обезглавливает мать, после чего Тот приделывает Исиде коровью голову. Греки иногда отождествляли Исиду с Ио.

⁵⁶ В египетских источниках Гарпократ — это Гор-ребенок.

⁵⁷ Есть предание о том, как Исида отрезала Гору руки. Причина расправы неизвестна, но она может быть соотнесена с рассказом о насилии Гора над матерью. В число опущенных Плутархом предосудительных историй входит и известие о любовных домогательствах Сета по отношению к Гору.

⁵⁸ Mette, fr. 310b.

⁵⁹ Strabo, XVII, 1, 28.

⁶⁰ Dio d., I, 22.

⁶¹ Fr. 291.

созвездие Гора — Орионом, а Тифона — Медведем⁶². Еще рассказывают, что все египтяне приносят предписанные продукты для гробниц почитаемых животных и ничего не дают одни фиванцы, ибо они не чтут никакого подверженного смерти бога, но только того, кого они называют Кнеф⁶³, — не сотворенного и бессмертного.

22. Так рассказывают и так представляют дело многие, но есть и такие, которые полагают, что все это — воспоминания о великих и удивительных делах и страданиях царей и тиранов, которые за выдающуюся доблесть или могущество приписали себе славу божественного имени и которые затем претерпели от судьбы. Эти люди используют малейшее отступление от рассказа, чтобы благоразумно перенести дурную славу с богов на людей; при этом им помогают сами предания, ибо египтяне рассказывают, что Гермес был короткоруким, Тифон — красным, Гор — белым, а Осирис — темнокожим, как если бы природа их была человеческой⁶⁴. К тому же Осириса именуют полководцем, а Канопы — кормчим, того самого, которого, по их словам, дал имя звезде⁶⁵. Судно же, которое эллины называют Арго и которое является образом корабля Осириса⁶⁶, якобы почетно помещено среди звезд и не далеко отстоит от созвездий Ориона и Пса, почему египтяне и считают, что первое посвящено Гору, а второе — Исиде.

23. Но я боюсь, как бы не сдвинулось неподвижное и не началась «война не только со многими временами» (как сказал Симонид)⁶⁷, но и «со многими племенами человеческими» и народами, преданными вере в этих богов; ведь люди не перестают сводить с неба на землю столь великие имена и подрывать и уничтожать благочестие и веру, вложенную почти в каждого с самого рождения, и тем открывать ворота чудовищу безбожия⁶⁸ и очеловечивать богов, и давать волю плутням Эвгемера из Мессены⁶⁹, который, сам составив копии не внушающих доверия и поддельных мифов, рассеивает по всей земле неверие, потому что он произвел имена всех предполагаемых богов скопом от имен полководцев, навархов и царей, живших в древние времена и запечатленных золотыми письменами в Панхоте; а письма эти, как и должно, не находил ни один варвар и ни один эллин, но только Эвгемер, доплывший до Панхотов и Трифиллий, которых никогда и нигде на свете не было и не существовало.

24. Ведь прославляют в Ассирии великие дела Семирамиды, а в Египте — Сезостриса; а у фригийцев до сих пор блистательные и удивительные деяния называют «маника», потому что у них в древности в числе царей был некий Манес, муж благородный и могущественный, коего некоторые называют Масдесом⁷⁰. Победителями и почти до края света провел персов Кир,

⁶² Обычно астральные сферы богов распределялись следующим образом: Ра — солнце, Гор — небо (луна и солнце — его очи), Осирис — Орион, Сет — Большая Медведица.

⁶³ Кнеф — имя древнего фиванского бога-змея, чей культ слился с культом Амона.

⁶⁴ Согласно египетскому мифу, Тот вмешался в борьбу Сета и Гора на стороне последнего, и Сет оторвал ему руку, которая затем возродилась вновь. Черный цвет — цвет плодородной земли, белый — Верхнего Египта, красный — Нижнего Египта и пустыни.

⁶⁵ Каноп — кормчий Менелая, погибший в Египте.

⁶⁶ Некоторые исследователи предполагают египетское происхождение названия созвездия Арго, так как представление о небесных судах характерно именно для египтян, а не греков.

⁶⁷ В e r g k, III, fr. 193.

⁶⁸ Дословно: льву безбожия. Но, может быть, «лев» здесь — намек на имя собственное. Некий Леон из Пеллы, современник Александра Македонского, написал исследование о египетских богах в духе Эвгемера. FHG II, стр. 331.

⁶⁹ Жил в Македонии, при дворе Кассандра. FGrHist. I, № 63, стр. 301.

⁷⁰ Сезострис — обобщенный образ Сенусертов Среднего Царства, Манес — мифический царь лидийцев (по Плутарху — фригийцев). Н e g o d., I, 94; IV, 45.

македонян — Александр, однако они стяжали имя и память добрых царей. Если же некоторые, вознесшись в кичливости и, как говорит Платон ⁷¹, разжигая в гордыне душу юным жаром и неразумием, приняли имена богов и настроили храмы, то слава их процветала короткое время, а затем они, стяжав себе своим кощунством и беззаконием суетную хвалу, «недолговечные, подобные дыму, поднимаются и исчезают» ⁷² и теперь, как преступные беглецы, изгоняются из храмов и от алтарей и ничего не имеют, кроме могил и памятников. Поэтому Антигон Старший, когда некий Гермодот провозгласил его в стихах сыном солнца и богом, сказал: «а раб, выносящий за мной горшки, так обо мне не думает». И справедливо скульптор Лисипп порицал художника Апеллеса за то, что тот, создавая портрет Александра, дал ему в руки молнию, тогда как сам Лисипп — копье, славу которого, как вещи настоящей и принадлежавшей Александру, не уничтожит никакое время.

25 ⁷³. Однако лучше всего суждение тех, кто пишет, что истории о Тифоне, Осирисе и Исиде касаются страданий не богов или людей, но великих демонов, о которых Платон ⁷⁴, Пифагор ⁷⁵, Ксенократ ⁷⁶ и Хрисипп ⁷⁷, следуя древним толкователям божественного, рассказывают, что они были сильнее людей и мощью намного превосходили нашу природу, но не обладали божественным естеством в чистом и беспримесном виде; напротив, так как их естество причастно к природе души и ощущениям тела и воспринимает наслаждение и боль, то их тревожат все несчастья, происходящие при таких переходах, — одних больше, других меньше. Так же у демонов, как и у людей, существует различие между добродетелью и пороком. Подвиги гигантов и титанов, воспеваемые эллинами, и некие беззаконные деяния Крона ⁷⁸, и сопротивление Тифона Аполлону, и скитания Диониса ⁷⁹, и странствия Деметры ничем не отличаются от историй Осириса и Тифона и от других мифов, которые каждый может услышать вдоволь. То же можно сказать и о том, что скрыто в священных мистериях и обрядах и сохраняется от глаз и ушей толпы.

26. Читали мы и у Гомера, как благородных людей он всякий раз именует по-разному: и «богоподобными», и «богоравными», и «умудренными богами», а сравнение с демонами употребляет равно и для людей достойных и для дурных:

Ближе подойди, подобный демону: зачем наводишь ты такой страх на аргивян? ⁸⁰

И опять:

Но в четвертый он раз еще полетевши, как демон. . . ⁸¹

⁷¹ Неточная цитата из Legg. 716a.

⁷² Цитата из Эмпедокла (490—430 гг. до н. э.). Vors. I, № 21, В 2.

⁷³ Демонология этой главы имеет явно греческое происхождение. Создателем развитой демонологии считается Ксенократ, ученик Платона и глава Академии с 319 по 314 г. до н. э. Большое внимание уделяли учению о демонах стоики. Была создана иерархия: боги — демоны — герои — люди.

⁷⁴ Symp. 202 e.

⁷⁵ Diog. Laert., VIII, 32.

⁷⁶ Ксенократ из Халкедона (399—314 гг. до н. э.), см. выше.

⁷⁷ Третий глава стоической школы (около 280—207 гг. до н. э.). SVF II, 1103.

⁷⁸ Оскопление Урана.

⁷⁹ Имеется ряд разночтений: φυγαί — бегство (Н о т., II, VI, 135), φθόροι — кары (история с Пенфеем?), φθόγγαι — стенания, φθόνοι — ненависть. См. Loeb, стр. 154.

⁸⁰ II, XIII, 810.

⁸¹ II, V, 438; XVI, 705; XX, 447. Здесь и далее — перевод Н. И. Гнедича.

А также:

Демон! Старец Приам и Приамовы чада какое
Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
Град Илион истребить, благолепную смертных обитель ⁸²

Таким образом, природа и естество демонов разнородны и неодинаковы. Поэтому Платон ⁸³ правую сторону и нечетные числа относит к олимпийским богам, а все противоположное — к демонам. Ксенократ же полагает, что несчастливые дни и те печальные празднества, которые предписывают бичевание, плач, пост, поношения и сквернословие, не устраиваются ни в честь богов, ни в честь добрых демонов, но что есть в окружающем пространстве огромные и злобные, своенравные и мрачные существа, которые радуются таким вещам и, получив их, не вмешиваются ни во что. А Гесиод ⁸⁴ добрых и благородных демонов величает «священными», «защитой людей», и «приносящими богатство», и «имеющими царские почести». Платон ⁸⁵ же называет этот род пророками и посредниками между богами и людьми и говорит, что они относят на небо молитвы и просьбы людей, а оттуда вниз приносят пророчества и благие дары. Эмпедокл ⁸⁶ говорит, что демоны претерпевают наказания, если они провинились или ошиблись:

Ярость эфира гонит их в море,
Море изрыгает на твердь,
Земля — в жар неугасимого солнца.
А оно — в эфирный вихрь.
Один принимает от другого,
Но всех ненавидят

— и так до тех пор, пока, претерпев наказание и очистившись, они не занимают место и строй в соответствии со своей природой.

27. Такие и подобные им истории рассказывают и о Тифоне: как из зависти и ненависти он совершил ужасные дела и, приведя в расстройство все на свете, наполнил злом всю землю и море ⁸⁷ и потом понес наказание. А мстительница, сестра и жена Осириса, обуздав и уничтожив бешенство и ярость Тифона, не пренебрегла борьбой и битвами, которые вышали ей на долю, не предала забвению и умолчанию свои скитания и многие деяния мудрости и мужества, но присовокупила к священнейшим мистериям образы, аллегории и памятные знаки перенесенных ею некогда страданий и посвятила их в качестве примера благочестия и одновременно ради утешения мужчинам и женщинам, которые претерпевают подобные же несчастья. И она, и Осирис за доблесть из добрых демонов были превращены в богов, как позже Геракл и Дионис, и не без основания принимают они почести, равно причитающиеся богам и демонам, и имеют власть повсюду, но больше всего — над землей и под землей. Говорят, что Сарапис — не кто иной, как Плутон, а Исида — Персефона ⁸⁸, так утверждает Архемах с Евбеи ⁸⁹, цонтиец же Гераклид ⁹⁰ считает, что оракул в Канопе принадлежит Плутону.

⁸² II. IV, 31.

⁸³ Legg. 717b.

⁸⁴ Opp., 122, 126.

⁸⁵ Symp. 202e.

⁸⁶ Vors. I, № 21, В 115.

⁸⁷ В египетской мифологии Сет далеко не был воплощением мирового зла; главные его роли — божество мрака, бури и пустыни (зноя).

⁸⁸ Исида отождествлена с Персефой как жена Осириса-Плутона.

⁸⁹ III в. до н. э. FHG IV, стр. 315, fr. 7; FGHist. III B, № 424, fr. 6.

⁹⁰ Ученик Платона. автор нескольких исторических сочинений, FHG II, стр. 198.

28. А Птолемию Сотеру приснился колосс Плутона в Синопе, хотя царь его не знал и никогда не видел, каков его облик; и колосс приказал доставить его как можно скорее в Александрию⁹¹. Ничего не ведая о нем и раздумывая, где бы он мог находиться, царь описал видение друзьям, и нашелся один путешественник, Сосибий, заявивший, что видел в Синопе точно такой же колосс, какой привиделся царю. И вот царь отправляет в путь Сотелия и Дионисия, которые, потратив много времени, с трудом и не без божественного содействия похитили и увезли статую. Когда она была доставлена и выставлена для обозрения, то товарищи экзегета Тимофея и Манефона Себенитского рассудили, что это — изваяние Плутона, судя по Церберу и змее; Птолемя же они убеждают, что оно не принадлежит никакому иному богу, кроме Сараписа. Итак, под этим именем статуя прибыла не отсюда, где она находилась, но, будучи помещенной в Александрии, получила египетское имя Плутона — Сарапис. И, конечно, изречение философа Гераклита⁹²: «одно и то же Гадес и Дионис, для которого безумствуют и празднуют Линеи» — склоняет к такому же мнению. А те, кто полагает, что Гадесом называется тело, ибо душа в нем как бы пьяна и безумна, — те прибегают к жалким аллегориям. Правильнее Осириса отождествлять с Дионисом, а Сараписа — с тем Осирисом, который получил это имя, когда переменял естество. Поэтому Сарапис сопричастен всем людям, как то известно об Осирисе тому, кто связан с храмовым служением.

29. С другой стороны, не стоит обращать внимания на сочинения фригийцев, в которых говорится, что Сарапис был сыном Харопы, дочери Геракла, а Тифон — сыном Эака и внуком Геракла⁹³. Достоин презрения и Филарх⁹⁴, писавший, будто Дионис первым привел из Индии в Египет двух быков, и одного из них имя было Апис, а другого — Осирис. Сарапис же якобы — имя того, кто все упорядочивает, происходящее от «сайрейн» — слова, которое иные толкуют как «украшать» и «упорядочивать». Все это у Филарха — бессмыслица, но еще большая бессмыслица у тех, кто говорит, что Сарапис не бог, а названный этим именем саркофаг Аписа, и что есть в Мемфисе некие медные ворота, называемые вратами Забвения и Плача⁹⁵. Они открываются всякий раз, как хоронят Аписа, издавая при этом тягостный и резкий звук. Поэтому якобы, когда звучит любая медная вещь, нас охватывает волнение. Умереннее те, кто утверждает, что имя происходит от «сзбестай» и «сустай» и так или иначе обозначает движение всего сущего. Большинство же жрецов говорят, будто Апис и Осирис — одно, поучая и наставляя нас, что надо считать Аписа воплощенным образом души Осириса. Я со своей стороны полагаю, что если имя Сарапис — египетское, то оно означает «радость» и «веселье», и основываюсь на том, что веселые праздники египтяне называют сайрами. А Платон⁹⁶ говорит, что Гадес получил свое имя как бог благодетельный и радушный по отношению к тем, кто к нему попадает. К тому же, у египтян есть много и других имен, которые являются названиями; так, подземный мир, в который, по их мнению, души отправляются после смерти, они называют Амент, а имя это означает: «берущий и дающий»⁹⁷. Позднее мы рассмотрим, не одно ли

⁹¹ Птолемию Сотеру (305—283 гг. до н. э.) приписывают учреждение государственного культа Сараписа. Не ясно, почему Сарапис оказывается связанным с черноморской Синопой. Следует учесть, что *sinopion* — эпитет Мемфиса. Та с., Hist. IV. 83; O r i g e n., C. Cels. V. 38; C l e m. A l e x., Protrep. IV. 48, 1.

⁹² Гераклит Эфесский, около 530—470 гг. до н. э. Vors. I, № 12, В 15.

⁹³ Разночтение: Сарапис был сыном Геракла, Исиды — его дочерью, а Тифон — сыном Алкея, сына Геракла. Loeb, стр. 70.

⁹⁴ Историк III в. до н. э. FHG I, стр. 357, fr. 80; FGrHist. II A, № 81, fr. 78.

⁹⁵ D i o d., I. 96; P a u s., I, 48, 4.

⁹⁶ Cratyl. 404b.

⁹⁷ Амент — эпитет, означающий «владыка Запада».

это из имен, произошедших и перенесенных из Эллады⁹⁸; теперь же перейдем к следующим частям занимающего нас учения.

30. Итак, Осирис и Исида превратились в богов из добрых демонов, а силу Тифона, сломленную и ослабленную, но еще бунтующую в агонии, унимают и умирмяют всевозможными жертвами. И, напротив, в определенное время, в праздники, египтяне, глумясь, унижают и оскорбляют рыжих людей, а жители Копта, например, валят с ног осла, потому что Тифон был рыжий и это — ослиный цвет. Бусириты же и ликополиты совсем не пользуются трубой, потому что она ревет как осел. И вообще считается, что из-за сходства с Тифоном осел — животное нечистое и колдовское, и египтяне, приготавливая в месяцы Пауни и Фаофи к празднику жертвенные лепешки, вылепляют на них изображение связанного осла⁹⁹. А при совершении обрядов в честь солнца они предписывают священнодействующим не носить на теле золотых вещей и не давать корма ослу. Совершенно очевидно, что и пифагорейцы считают Тифона демонической силой; они говорят, что его рождение соотносится с числом такого рода — пятьюдесятью шестью. Опять-таки Эвдокс пишет¹⁰⁰, что треугольник соответствует Гадесу, Дионису и Аресу, четырехугольник — Рее, Афродите, Деметре и Гере, двенадцатиугольник — Зевсу, а пятидесятишестиугольник — Тифону.

31. Египтяне, считая, что Тифон был красным, приносят также в жертву рыжих быков, при этом осмотр они производят так тщательно, что, если попадется хоть один белый или черный волос, они считают животное негодным¹⁰¹: правильно отобранная жертва должна быть не любимой богами, но ненавистной им, поскольку она приняла в себя души нечестивых и неправедных людей, переселившиеся в другие тела¹⁰². Поэтому египтяне призывали на голову жертвы проклятия и, заколов ее, раньше бросали в реку, а теперь отдают чужеземцам¹⁰³. На предназначенного в жертву быка ставят клеймо жрецы, именуемые сфрагистами, причем печать, как свидетельствует Кастор¹⁰⁴, имеет резное изображение человека, опустившегося на колени; руки у него связаны за спиной и к горлу приставлен меч. А то, что выпадает, как говорилось выше, на долю осла, это египтяне объясняют сходством его с Тифоном в глупости и упрямстве не меньше, чем сходством в цвете. Поэтому, ненавидя из всех персидских царей более всего Оха как человека преступного и кровавого, они назвали его ослом. А он, воскликнув: «Не сомневайтесь, этот осел съест вашего быка», — заколол Аписа; так об этом свидетельствует Дейнон¹⁰⁵. Те же, кто рассказывает, что Тифон после сражения семь дней спасался бегством на осле, спасся и стал отцом Иерусалима и Иудея, те совершенно очевидно и явно притягивают к мифу иудейскую традицию.

32. Вот на какие соображения наводят эти рассказы. Но приступим к делу по-иному и обратим сначала внимание на тех, кто, как кажется, говорит нечто более философское. К ним относятся учащие, что, как эллины

⁹⁸ См. гл. 60.

⁹⁹ Сетовы животные: крокодил, гишпопотам, кабан, осел. В греческих папирусах Сет часто изображался в виде человека с ослиной головой.

¹⁰⁰ Fr. 293.

¹⁰¹ D i o d., I, 88; H e r o d., II, 38.

¹⁰² В основе этого представления лежит, очевидно, египетский миф о переселении в тела животных Сета и его союзников.

¹⁰³ H e r o d., II, 39.

¹⁰⁴ Кастор Родосский (I в. до н. э.), автор исследования о Ниле. FGrHist. II B, № 250, fr. 17. См. также Diod., I, 88.

¹⁰⁵ Историк IV в. до н. э., автор популярного в свое время труда о персах. FGrHist II, стр. 95, fr. 30.

олицетворяют в Кроне — время ¹⁰⁶, в Гере — воздух, а в рождении Гефеста — превращение воздуха в огонь, так у египтян Нил — это Осирис ¹⁰⁷, сочатавшийся с землей — Исидой, а Тифон — море, в котором Нил, впадая, исчезает и рассеивается, кроме той части, которую принимает и впитывает земля, становясь через нее плодородной. И есть культовая песнь скорби, исполняемая в честь Нила; в ней оплакивается рожденный в пределах левой стороны и погибший в пределах стороны правой, ибо египтяне считают, что восток — это лицо мира, что на севере — правая сторона, на юге — левая. А так как Нил несет воды с юга и на севере поглощается морем, то справедливо говорят, что рождается он в левой стороне, а гибнет — в правой. Поэтому жрецы гнушаются морем и называют соль пеной Тифона; и среди прочих запретов им предписывается не ставить соль на стол. Также не разговаривают они с кормчими, потому что те связаны с морем и живут за его счет. Не в последнюю очередь по этой причине презирают они рыбу и ненависть изображают в виде рыбы. Ибо в Саисе, в преддверии храма Афины, высечены: ребенок, старик, затем сокол, потом рыба, позади всех — гишпопотам. Символ этот означал: о рождающиеся и умирающие, бог ненавидит бесстыдство ¹⁰⁸; дитя есть символ рождения, старец — смерти, под соколом они разумеют бога, под рыбой, как я сказал, — ненависть из-за ее причастности к морю, под гишпопотамом — бесстыдство, ибо про него рассказывают, будто он, убив отца, насильственно сочетается с матерью. И, как представляется, утверждение пифагорейцев о том, что море — это слеза Крона, намекает на его нечистую и чуждую нам природу. Но об этой общеизвестной истории поговорим лучше в другом месте.

33. Самые мудрые из жрецов не только Нил называют Осирисом, а море — Тифоном, но вообще дают имя Осириса всякому влажному началу и энергии, считая их причиной рождения и субстанцией семени. Тифоном же они именуют все сухое, огненное, отдающее воду и вообще враждебное влаге. Полагая, что тело Тифона было красным и желтым, они не очень охотно встречаются и без удовольствия общаются с людьми, имеющими подобный вид. Об Осирисе, напротив, их предания рассказывают, что он был темный, потому что вода делает темным все, с чем ни смешивается: землю, одежду, облака; и влага, заключенная в телах юношей, порождает темный цвет волос, а седина или как бы бесцветность появляются у стареющих людей из-за сухости. Также весна обильна, плодородна и благотворна, а поздняя осень, лишняя влаги, враждебна растениям и вредна животным. Бык, которого выхаживают в Гелиополе и называют Мневис ¹⁰⁹ (он посвящен Осирису, а некоторые считают его отцом Аписа), — весь черный; и он имеет почести, уступающие только почестям Аписа. А Египет, расположенный на самой черноземной почве ¹¹⁰, называют, подобно зрачку глаза, Хемия и сравнивают с сердцем ¹¹¹, ибо он теплый и влажный и прилегает к южным землям вселенной, окруженный ими, как сердце человека — левой стороной тела.

34. Еще говорят, что солнце и луна пользуются для передвижения не повозкой, но кораблем ¹¹², намекая, что их возникновение и насыщение происходят от воды. И есть мнение, что Гомер, как и Фалес, полагал в воде

¹⁰⁶ C i c., De Nat. Deor. II, 25 (64).

¹⁰⁷ См. гл. 40: Гор также отождествлялся с Нилом. Осирис связан со всяким началом плодородия, в том числе с Нилом (Хапи) и с зерном (Непер).

¹⁰⁸ Лакуна. Текст изречения вставлен по Clem. Alex., Stromata V, 41, 4.

¹⁰⁹ Dio d., I, 21; Strabo, XVII, 1, 22; Aelian, De Nat. Anim. XI, 11; Euseb., Praepar. Evang. III, 13, 1—3.

¹¹⁰ Herod. II, 12.

¹¹¹ См. прим. 30.

¹¹² Clem. Alex., Stromata V, 41, 2.

начало рождения всего сущего, узнав об этом у египтян ¹¹³. И думают, что Океан — это Осирис ¹¹⁴, а Тифия — это Исида, потому что она выкармливает и возвращает все живое. К тому же эллины называют выделение семени «апусиа», а совокупление — «синусиа», слово же «сын» (гийос) производят от «гидор» (вода) и «гисай» (идет дождь). И Диониса как владыку влажной природы они называют «гийэс» (ниспосылающий дождь); а он — не кто иной как Осирис. И Гелланик, наверно, слышал, как жрецы называли Осириса Гисирисом, потому что именно так постоянно называет он бога, конечно, ввиду его естества и обряда его обнаружения ¹¹⁵.

35. А то, что Осирис и Дионис — одно, кто знает лучше, чем ты, Клея? Так и должно быть: ведь это ты предводительствуешь в Дельфах вдохновенными жрицами, предназначенная отцом и матерью для таинств Осириса. Если же доказательства надо представить ради других, то все сокровенное мы оставим вне повествования, но открытые действия жрецов во время погребения Аписа, когда тело его везут на плоту, нисколько не уступают вакхическому ликованию: ибо они надевают оленьи шкуры, и несут тирсы, и издают крики, и делают движения подобно тем, что одержим дионисийским экстазом. Поэтому многие эллины делают изображения Диониса в виде быка. А элейские женщины во время молитвы призывают бога «прийти к ним бычьей стопой». У аргиев же Дионис именуется сыном быка; его вызывают из воды звуками труб, бросая в глубину бараба для Привратника; а трубы они прячут в тирсах, как рассказывает Сократ в книгах «О священном» ¹¹⁶. Также предания о титанах и ночные празднества в честь Диониса соответствуют рассказам о растерзании, воскресении и возрождении Осириса. То же самое и с гробницами. Египтяне, как я рассказывал, показывают могилы Осириса повсюду, а дельфийцы считают, что останки Диониса хранятся у них, позади пророчищца; и «чистые» ¹¹⁷ приносят тайную жертву в святилище Аполлона, когда вдохновенные жрицы пробуждают Ликнита ¹¹⁸. А что греки считают Диониса владыкой и творцом не только вина, но всякой влажной природы, то здесь нам достаточно иметь свидетелем Пиндара ¹¹⁹, сказавшего:

Пусть увеличит пищу деревьев радостный Дионис,
Ясный блеск зрелости.

Поэтому тем, кто почитает Осириса, запрещено рубить садовое дерево и засыпать водные источники.

36. Не только Нил, но и вообще всякую влагу называют истечением Осириса; и в честь бога впереди священной процессии всегда несут сосуд с водой. С помощью знака тростника египтяне изображают царя и южные пределы мира, а тростник символизирует увлажнение и оплодотворение всего сущего и по природе кажется похожим на детородный член. Справляя Памилли, празднество, как я говорил, фаллическое, они выставляют впе-

¹¹³ П. XIV, 204; Фалес Милетский — первый греческий философ (конец VII — начало VI в. до н. э.). Vors. I, № 1.

¹¹⁴ Океан в отличие от моря — поток пресной воды.

¹¹⁵ См. гл. 39.

¹¹⁶ Сократ Аргиевнин. III или II в. до н. э. FHG IV, стр. 498, № 5; FGrHist. III B, № 310, fr. 2.

¹¹⁷ Жрецы в Дельфах.

¹¹⁸ *λίχον* — корзина с первинами, подносившаяся Дионису, но также — плетеная колыбель Диониса-Загрея, растерзанного, согласно орфическому мифу, титанами. По одному из вариантов мифа Зевс отдал останки Загрея Аполлону и тот похоронил их в Дельфах.

¹¹⁹ Bergk, I, fr. 153.

реди и носят всюду статую, фалл которой увеличен в три раза ¹²⁰, ибо бог есть начало, а всякое начало благодаря плодovitости увеличивает то, что из него исходит; мы же привыкли вместо «много» говорить «три», как, например, «трижды счастливый» и «сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил» ¹²¹, если только, клянусь Зевсом, число три не выражало у древних своего подлинного смысла: ведь влажная природа, будучи началом и вместилищем рождения, первыми породила из себя три тела — землю, воздух и огонь. И вошедшее в миф предание о том, как Тифон бросил фалл Осириса в реку и как Исида его не нашла, но, изготовив и сотворив похожее изображение, повелела чтить его и носить в фаллических процессиях, предание это попало сюда потому, что оно учит, что творческая и производительная сила бога с самого начала включала в себя влажную материю и через влагу соединялась с тем, что создано для участия в порождении. Есть еще у египтян предание о том, как Апопис ¹²², брат Гелиоса, вступил в войну с Зевсом и как Осириса, который стал его союзником и вместе с ним победно закончил войну, Зевс усыновил, назвав его Дионисом. Можно указать на то, что сказочное в этом предании связано с истиной, касающейся природы. Ибо Зевсом египтяне называют ветер ¹²³, которому враждебно все сухое и огненное, и это — не солнце, но нечто родственное солнцу. Влага же, уничтожая избыток сухости, возвращает и усиливает испарения, через которые ветер насыщается и крепнет.

37. К тому же эллины посвящают Дионису плющ, а у египтян, по слухам, он называется хеносирис, и это имя, как говорят, означает «побег Осириса». Далее, Аристон ¹²⁴, написавший «Афинскую колонизацию», наткнулся на письмо некоего Алексарха, в котором рассказывается, что Дионис был сыном Зевса и Исиды и что у египтян он именовался не Осирисом, но Арсафом (через букву «а»), каковое имя переводится как «мужество». То же утверждает и Гермей ¹²⁵ в первой книге сочинения «О египтянах»: он заявляет, что «Осирис» можно толковать как «могучий». Я не говорю уже о Мнасии ¹²⁶, который отождествляет Диониса, Осириса и Сарapisа с Эпафом. Не говорю и об Антиклидесе ¹²⁷, утверждающем, что Исида — дочь Прометея и что она была женой Диониса. Те особые праздники и обряды, о которых я рассказывал, содержат более очевидную истину, чем слова свидетелей.

38. Самую яркую звезду египтяне называют Исидой, потому что она вызывает разлив. Они также почитают льва и украшают львиными пастями двери храмов, потому что Нил выходит из берегов, «когда впервые солнце встречается со львом» ¹²⁸.

И как Нил они называют истечением Осириса, так землю принимают за тело Исиды, но не всю, а только ту, к которой поднимается Нил, сочетающийся с ней и оплодотворяющий ее. Через это соитие они порождают Гора. А Гор — это соразмерное смешение воздуха и весна, которая хранит

¹²⁰ Herod., II, 48. Фаллический элемент никогда не был чужд культу Осириса, но большое значение приобрел только с эпохи эллинизма под влиянием культа Диониса.

¹²¹ Hom., Od. V, 306; VI, 154; VIII, 340.

¹²² Апопис — змей, божество тьмы.

¹²³ Diod., I, 12.

¹²⁴ Философ-перипатетик, современник Страбона. Помимо упомянутого сочинения написал исследование о Ниле. FHG III, стр. 324, fr. 3; FGrHist. III B, № 337, fr. 1.

¹²⁵ Не ясно, какой Гермей имеется в виду. Скорее всего уроженец Гермополя (II в. н. э.). FHG IV, стр. 427; FGrHist. III C, № 620, fr. 1.

¹²⁶ Уроженец ликийской Патары, ученик Эратосфена, автор ряда сочинений на антикварно-географические темы. FHG III, стр. 155, fr. 37.

¹²⁷ Афинский историк эпохи диадохов. FGrHist. II B, № 140, fr. 13.

¹²⁸ Herapollon, Hierogl. I, 21.

и питает все окружающее; и говорят, что Гор был вскормлен Латоной в болотах, окружающих Бут: ведь увлажненная и мокрая земля поднимает испарения, уничтожающие и ослабляющие бесплодие и сухость. Запретельные же окраины земли, которые граничат с морем, называют Нефтидой. Поэтому Нефтиду зовут концом и говорят, что она — жена Тифона. А когда вздувшийся и разлившийся Нил достигает окраинных пределов, то это называют соитием Осириса и Нефтиды, о котором свидетельствуют возникающие растения; и среди них есть лотос, о котором миф рассказывает, что он, выпавший из венка и оставшийся на месте, стал для Тифона свидетельством оскорбления его брака. Вот почему Исида родила Гора благородно, а Нефтида Анубиса — незаконно. Причем в каталоге царей пишут, что Нефтида, сделавшись женой Тифона, была сначала бесплодной. Если так говорят не о женщине, а о богине, то подразумевают землю, неродящую и бесплодную из-за отсутствия влаги.

39. Также злой умысел и тирания Тифона означали преобладание той сухости, которая победила и развеяла влагу, порождающую и питающую Нил. А под его помощницей, эфиопской царицей, подразумеваются южные ветры из Эфиопии; ибо когда они побеждают этесии¹²⁹, которые гонят облака в Эфиопию, и когда не дают изливаться дождям, наполняющим Нил, тогда разгорается преследующий Осириса Тифон и, совсем одолев в это время Нил, который сам по себе смирен из-за скудости и мелко течет между высоких берегов, выталкивает его в море. По-видимому, так называемое положение Осириса во гроб означает не что иное, как иссыкание и убыль воды. Поэтому говорят, что в месяце Афире¹³⁰ Осирис умирает: ведь когда стихают этесии, Нил совсем мелеет и земля обнажается; тогда, с удлинением ночи, густеет тьма, сила света терпит поражение и истощается, а жрецы исполняют мрачные обряды и в знак скорби о богине выставляют позолоченную корову, окутанную черным льняным покровом (они считают корову подобием Исиды и землей); и это продолжается четыре дня подряд, начиная с семнадцатого дня месяца. А причин для траура — четыре: во-первых, убывает и исчезает Нил, во-вторых, северные ветры совсем побеждены, а южные взяли верх, в-третьих, день становится короче ночи; наконец — обнажается земля и исчезает растительность, теряющая в это время листву. На девятнадцатую ночь процессии спускаются к морю; жрецы и столлисты¹³¹ несут священный ларь, имеющий внутри золотой ковчег, в который они, зачерпнув, наливают пресной воды. И поднимается крик окружающих, что найден Осирис. Затем к воде подносят плодородную землю и, смешав их с дорогими благовониями и фимиамом, лепят месяцевидную фигурку. Они обряжают и украшают ее, показывая, что считают этих богов субстанцией воды и земли.

40. Когда Исида снова воскресила Осириса и взрастила Гора, который окреп благодаря испарениям, туману и облакам, то Тифон был побежден, но не уничтожен. Так богиня, повелительница земли, не позволила окончательно истребить природу, противоположную влаге, но ослабила и освободила ее, желая, чтобы смещение сохранялось, так как невозможен совершенный порядок в случае угасания и исчезновения огненного начала. И если даже об этом говорят неподобающим образом, то не следует все же пренебречь рассказом о том, как Тифон некогда захватил удел Осириса: ведь Египет был морем¹³². Поэтому до сих пор в рудниках и горах обнаруживают много раковин; и все источники, и все колодцы (а их множество) имеют воду горькую и соленую, как будто здесь скопились застарелые ос-

¹²⁹ Северные ветры (D i o d., I, 39).¹

¹³⁰ Ноябрь.

¹³¹ Хранители облачений.

¹³² H e r o d., II, 5; D i o d., I, 39; III, 3.

татки древнего моря. Но в свой срок Гор победил Тифона, т. е. после обильно выпавших дождей Нил, вытеснив море, возродил и воссоздал долину наносами. Об этом может свидетельствовать наблюдение: мы ведь и теперь видим, как река несет новый ил и движет землю против постепенно отходящего моря, и оно спадает с растущего из-за наносов дна. Остров Фарос, который Гомер знал отстоящим от Египта на расстояние дневного перехода ¹³³, теперь является частью страны, и не потому, что он разросся и приблизился к земле, но оттого, что море, лежащее между ними, вытеснено рекой, которая налепляет и вращивает сушу. Но подобные представления имеются и в рассуждениях стойков о богах; и они говорят, что Дионис — дух творческий и питательный, Геракл — насильственный и разрушительный, Аммон — восприимчивый; что Деметра и Кора — это все, имеющее отношение к земле и плодам, а Посейдон — к морю ¹³⁴.

(Продолжение следует)

---

¹³³ Hom., Od. IV, 356; Strabo, XII, 2, 4; XVII, 1, 6.

¹³⁴ Cic., De Nat. Deor. I, 15 (40); II, 28 (74); Diog. Laert., VII, 147.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К ПРИЛОЖЕНИЮ

- Bergk — Th. Bergk, Poetae lyrici graeci, I—III, Lipsiae, 1919—1923
 EGF — G. Kinkel, Epicorum graecorum fragmenta, Lipsiae, 1877
 FGrHist. — F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker, I—III, B., 1923—1943
 FHG — C. Müller, Fragmenta historicorum graecorum, I—V, P., 1848—1874
 Griffiths — Plutarch's De Iside et Osiride with an introduct., transl. and comment. by J. G. Griffiths, Cambr., 1970
 Hopfner — Th. Hopfner, Plutarch über Isis und Osiris, I—II. Orientalisches Inst. in Prag, Monographien des Archiv Orientalní, Bd. 9, Prag, 1940—1941
 Loeb — Plutarch's Moralia with an english transl. by F. C. Babbitt in 14 vol., V, L. — Cambr., 1936. The Loeb Classical Library
 Mette — H. J. Mette, Die Fragmente der Tragödien des Aischylos, B., 1959
 Nauck — A. Nauck, Euripidis perditarum tragoediarum fragmenta, Lipsiae, 1885
 SVF — H. von Arnim, Stoicorum veterum fragmenta, I—IV, Lipsiae, 1921—1924
 Vors. — H. Diels und W. Kranz, Die Fragmente der Vorsokratiker, I—II, B., 1906—1910
 Сноски на Эвдокса Книдского даны по кн. F. Lassergre, Die Fragmente des Eudoxos von Knidos, B., 1966

Исправления к ВДИ, № 1, 1977 г.

(Плутарх. Моралии. Греческие вопросы)

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
258	1 сверху	сложный	ложный